

Василиса Премудрая (Гатцук)

Скажем-ка про лето, про тепло, про весну про красну, про зиму студену... Слетались птицы стадами, садились птицы рядами, пели они, говорили, между собою рядили: «Кто у нас на море старший, кто у нас на синем младший? На море орел царем, на синем орлица — царица, дикие гуси — дворяне, черные грачи — крестьяне, сера утка — попадье, коростель — дьячком, малые воробушки — крылошане, синички — молодницы, касаточки — красны девицы. А ворона-то — в ворах придорожных: летом ворона по амбарам, зимою ворона по дорогам; всякого она след перегребаёт, всякого „братом“ называет... На море филин — водовозом, на море журавль — перевозом; журавль по бережку ходит, людей перевозит, цветно платье не мочит... Эки, ведь, долгие ноги! Эко короткое платье!»

Это присказка, а сказка будет впереди.

Сдружились Мышь с Воробьем, стали они вместе жить, сообща корм добывать и такой промежду себя уговор положили, чтобы что ни промыслят-своруют — все пополам между собою делить.

Разжился раз Воробей маковым зернышком и несёт его к Мыши: «На, кусай свою половину!» А Мышь в ту пору голодна была; хват — и откусила зерна три четверти. Рассердился Воробей, обругал Мышь «воровкой поганою». Не стерпела Мышь обиды. «Сам-то ты кто? — говорит. — Потому тебя и Воробьем зовут, что вор ты и бить тебя надобно». Слово за слово — передрались приятели, и в той драке Мышь у Воробья из хвоста все перья повыщипала.

Полетел Воробей к Льву, звериному царю, на Мышь жаловаться. Просит казнить её лютой смертью за денной грабёж и обиду. «Срам, — говорит, — мне теперь, государь, без хвоста на улицу выйти: малые ребятишки и те насмеются». — «Ладно, — говорит Лев, звериный

царь, — разберем твое дело. Позвать ко мне Мышь-ответчицу!» А Мышь, она хитра была, догадлива: идет к царю на суд, казанской сиротой прикинулась, левый глаз прищурила, на все ноги хромает, костылем подпирается.

«Батюшка, могучий царь, — говорит, — взвел на меня Воробей напраслину. Сам он ни с того, ни с сего, в драку полез, выклевал мне, злодей, левый глаз, все ноженьки разломил, все суставы раздробил. Насилу я от него в нору схоронилась». — «А кто ж ему, Воробью, хвост выщипал?» — «Знать не знаю, царь батюшка, ведать не ведаю. А слыхала я точно от добрых людей, что такой

он, Воробей, уж от роду: без хвоста и без совести». Говорит тут Лев, звериный царь, Воробью: «Какие у тебя есть свидетели на то, что и вправду Мышь тебе, Воробью, хвост выщипала?» — «Есть у меня свидетели верные: две сороки да ворона старая». Не принял Лев, звериный царь, воробьиных свидетелей. «Не верю, — говорит, — я всему вашему птичьему роду, а сорокам да воронам разве только дурак, поверит!» И прогнал он Воробья от себя с бесчестьем.

Полетел Воробей к Орлу, своему птичьему царю, пал ему в ноги и стал горько плакаться: «Защити, государь, меня, Воробьишку, холопа твоего верного; не дай моим детям напрасно с голоду помереть! Не вступишься ты своею силою — над нами, птицами, малые ребятишки насмехаться будут». Услыхал Орел про неправый львиный суд да про то, что хулит Лев весь птичий род, — разгневался. Сейчас послал гонца Стрижа звать на свой суд Мышь-ответчицу. А Мышь сидит у норы, над Орлом насмехается: «Какой такой мне судья ваш птичий царь! Пусть-ка сам ко мне придет, я и ему перья повыщиплю».

Как услышал Орел про это — еще пуще разгневался. Шлет своего ближнего боярина, Ясного Сокола, ко Льву, чтобы выдал он ему Мышь-обидчицу головою, а не выдаст — выходил бы в поле со своею звериною ратью на смертный бой. Лев на своей неправде стал, не выдал Орлу Мышь-обидчицу, вышел в поле со своею ратью звериною, и начался тут между зверями и птицами страшный, смертный бой — из-за четверти макового зернышка.

Бились рати три дня и три ночи без отдыха — укрылось поле мертвыми телами, и птичьими, и звериными; потекли ручьи черной крови. На четвертый день стало подаваться звериное войско: притупились их когти острые, поломались зубы крепкие. Подалось войско, не выдержало, и пустились звери наутек в леса дремучие, в болота топкие, в теснины горные, а птицы за ними в погоню кинулись.

Остался на побоище один Орел, птичий царь. Сидит он на высоком сухом дубе чуть живой, избитый, израненный.

О ту пору охотился царь в тех местах. Увидал он Орла и хочет его застрелить. Возговорил ему Орел человеческим голосом: «Не стреляй меня, царь-государь, возьми лучше к себе, пригожусь я тебе ко времени». «На какое дело ты мне годишься?» — говорит царь и опять в Орла целится. «Не стреляй меня, царь-государь, — молит опять Орел, — сослужу я тебе службу немалую. Возьми ты только меня к себе и корми три года, 3 три месяца и три дня; отращу я себе крылья и добром заплачу тебе». Думает царь и никак придумать не может: чем ему заплатит птица Орел. Нацелился опять, хочет уж стрелу пустить — в третий раз молит его Орел: «Не стреляй меня, царь-государь,

возьми лучше к себе, да корми три года, три месяца и три дня. Как верну я себе силу прежнюю, сослужу тебе службу великую».

Смиловался царь над птицей Орлом, взял его к себе и стал кормить до поры до времени. А съедал Орел ни мало ни много — в день по три быка, да медовой сыты выпивал по три бочки. Кормит царь Орла, а сам думает: «Накладно будет мне такую птицу кормить: за три-то года всю скотину в моем царстве переест». Вот прошел год, и велит Орел царю выпустить его в дремучий бор к высоким дубам силу пробовать. Выпустил царь Орла, взлетел тот за тучи темные, ударился с разлету грудью о сырой дуб — раскололся сырой дуб надвое. Говорит тут Орел: «Не собрался я еще, царь-государь, с прежней силою, корми меня еще год». Прошел другой год, выпустил царь Орла в дремучий бор к высоким дубам. Взвился Орел в поднебесье и ударился с размаху грудью о сырой дуб — раскололся сырой дуб на десять частей. «Приходится тебе, царь-государь, еще целый год кормить меня: не собрался я с прежней силою». Прокормил царь Орла все три года, три месяца и три дня. Стал Орел свою силу пробовать; полетел он в дремучий бор, взвился выше черных туч и ударился грудью со всей силы в самый большой дуб — раскололся сырой дуб с верху до корня на мелкие щепы. От того удара богатырского застонал, зашатался дремучий бор. Говорит царю могучий Орел: «Ну, теперь вернулась ко мне сила прежняя. Спасибо тебе, царь-государь, что ты меня, больного, вылечил, прокормил три года, три месяца и три дня. Садись ко мне на крылья могучие, понесу я тебя в свою сторону и заплачу тебе за твое добро».

Сел царь на крылья Орлу, поднялся Орел высоко-высоко, выше леса стоячего, выше облака ходячего и полетел через синее океан-море.

На самой середине моря говорит Орел царю: «Погляди-ка, царь-государь, да расскажи: что за нами и что пред нами, что над нами и что под нами». Отвечает царь: «За нами — море, пред нами — море, над нами — небо, под нами — вода». «Так!» — сказал Орел, встряхнулся, скинул с себя царя, и тот упал в море. Не дал Орел царю потонуть, подхватил к себе на крыло. Три раза так скидывал Орел царя вглубь морскую, три раза не давал погибнуть, после третьего раза его спрашивает: «Что, царь-государь, каково? Небось испугался?» — «Испугался, — говорит царь, — да все надеялся, что ты не дашь мне утонуть». — «То-то: познал, значит, ты теперь, царь-государь, смертный страх. В таком страхе был и я, когда на дубу сидел, а ты три раза в меня стрелять целился; так-то и я в ту пору думал: авось не застрелит, смилуется. Это тебе за старое, чтобы ты в памяти держал: каково смертный страх испытывать и милостивым быть».

Перелетели Орел с царем море и говорит Орел: «Полетим мы с тобой, царь-государь, в медное царство, в гости к моей старшей сестрице, медного царства царице. Будем у нее в гостях пировать, станет она тебя дарить — не бери ты у нее ни злата, ни серебра, ни камня самоцветного, а проси у нее медный ларчик с медным ключиком».

Прилетели они к медному царству, в медный город; ударился Орел о сырую землю, оборотился добрым молодцем, и пошли они во дворец к Орловой сестрице, медного царства царице. Увидала сестра, обрадовалась, стала брата целовать, обнимать, к сердцу прижимать. «Братец ты мой родной, где ты пропадал? Больше трех лет я тебя не видела. Уж как я по тебе сокрушалась, горькими слезами обливалась, думала: нет тебя на белом свете». «И лежать бы, сестрица, мне в могиле сырой, — говорит Орел — добрый молодец, — да спасибо товарищу: он меня к себе взял, вылечил; три года, три месяца и три дня кормил». Посадила сестра их за столы дубовые, за скатерти бранные и не знает, чем потчевать. После угощенья стала она царю дары подносить. Повела его в подвалы глубокие, а в подвалах тех — казна несметная: злата и серебра кучи целые, камни самоцветного углы навалены. «Бери, — говорит, — сколько тебе хочется». Отвечает ей царь: «Не надо мне ни золота, ни серебра, ни камня самоцветного, подари ты мне медный ларчик с медным ключиком». «Ишь, чего захотел! — говорит царица, Орлова сестрица. — Не взыщи, любезный друг, ни за что на свете не дам тебе медного ларчика. Ступай, коли так, с пустыми руками». Рассердился Орел — добрый молодец на сестру за такие ее речи, ударился о сырую землю, обернулся орломптицею, подхватил царя и полетел с ним прочь. «Братец дорогой, не сердись, вернись назад: не пожалею я и ларчика!» — кричит вслед сестрица, медного царства царица. «Опоздала, сестра!» — отвечает Орел.

Летит Орел по поднебесью и говорит царю: «Погляди-ка, царь-государь, да скажи: что за нами и что пред нами?» — «За нами все небо в огне-зареве, точно страшный пожар, пред нами цветы цветут лазоревые». — «Где пожар горит, там медное царство, где цветы цветут, там серебряное. В этом царстве живет моя средняя сестра; у нее ты проси себе серебряный ларчик с серебряным ключиком».

И вторая сестра не захотела расстаться со своим ларчиком, и ее царство сжег Орел-царь.

Прилетели они в третье царство, к младшей Орловой сестрице, золотого царства царице. Спросил у нее царь ее золотой ларчик, и она ему ответила: «Не пожалею я ради брата родного ничего. Ты его у себя держал, лечил, кормил, воротил ему силу прежнюю, а мне — брата милого; бери себе на

счастье золотой ларчик». Взял царь ларчик, пожил, попиrowал в золотом царстве, а как пришло время расставаться, говорит ему Орел — добрый молодец: «Ну, прощай, царь-государь, не поминай лихом. Вот тебе мой добрый совет: не отпирай ларчика, пока домой не воротишься!»

Снарядил царь корабль, взял с собой золотой ларчик и поплыл по синему морю домой. Долго ли, коротко ли ехал он по морю-океану, только видит: среди моря остров стоит. И приказал царь пристать к тому острову. Вышел царь на берег и стал отдыхать, а потом вспомнил про ларчик и крепко захотелось ему узнать, что в нем, для чего Орел не велел ему отмыкать его до поры, до времени. Не утерпел он и отомкнул ларчик. И только что ларчик открылся, как явился пред царем золотой город. Смотрит царь и диву дается: как это из такого маленького ларчика целый город выскочил, и город чудесный: золотые дворцы и церкви словно жар горят; вместо камня на улицах — золото; через речки мосты перекинута — из червонного.

Обрадовался царь такому подарку, а потом пригорюнился: «Как, — думает, — собрать целый город в маленький ларчик, чтобы домой увезти?» Сидит он на берегу, горюет, глядит вдаль на море синее. Вдруг вышел из моря неведомый человек и спрашивает: «Чего, царь-государь, пригорюнился?» — «Как не горевать мне, добрый человек: не могу я в ларчик спрятать золотой город». — «Этому горю я могу помочь. Соберу я в твой ларчик золотой город; только за это пообещай мне отдать то, чего дома не ведаешь». Думает царь: «Что ему дома неведомо? Кажется, все знает». Подумал и согласился. «Собери, — говорит, — мне золотой город в ларчик, отдам тебе то, чего дома не ведаю. В том мое царское слово!» Только вымолвил царь, глядь: города нет, весь в ларчик убрался, а человек тот скрылся под водой. Взял царь ларчик, сел на корабль и поехал домой.

Приезжает царь домой; царица его встречает с радостной вестью: у нее сын родился. Обрадовался царь милому детищу, а сам плачет, заливаясь горячими слезами... Понял он, кому обещал сына: не простой человек выходил из воды, а в человеческом образе сам Царь Морской, водяное чудище. Плачет царь, а царице невдомек. Спрашивает она: «Царь-государь, о чем плачешь, с радости что ли?» «И с радости и с горя», — говорит царь и рассказывает, как и что с ним было. Поплакали они вместе, да делать нечего: слезами дела не поправишь. Открыл царь ларчик, раскинулся перед ним золотой город, и стали в нем жить царь с царицею, да сына растить.

А Иван-царевич растет, словно опара подымается; вырос и стал таким молодцом, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Думает царь: сколько ни держи сына у себя, а отдавать Морскому Царю надобно. Слово данное —

свято, а царское вдвое. Вот, раз повел царь Ивана-царевича к синему морю, привел на берег и говорит: «Поищи-ка, сынок, моего перстня: обронил я его здесь на морском берегу». И оставил Ивана-царевича одного, а сам домой ушел. Пошел Иван-царевич по берегу перстень искать; идет, вдруг навстречу ему старуха старая плетется, спотыкается, клюкою подпирается. «Куда, молодец, путь держишь?» — «А тебе что за дело, старая ведьма!» Ничего не сказала старуха, прошла мимо, а Иван-царевич думает: «Зачем я обидел старуху? Пойду-ка, ворочу ее да спрошу, где мне перстень искать: старые-то люди умны, догадливы». Воротился он, догнал старуху и говорит: «Прости меня, бабушка, за мое грубое слово: больно уж мне досадно. Заставил меня отец перстень искать, а где я его найду?» — «Не перстень искать заставил тебя твой батюшка; отдал он тебя на службу Морскому Царю, в подводное царство». Заплакал Иван-царевич, услышавши те старухины слова, а она говорит: «Не тужи, Иван-царевич, а слушайся меня: спрячься за тот смородинный куст, что стоит ближе к морю, и сиди. Прилетят на море купаться одиннадцать белых голубиц, красных-девиц, а после них двенадцатая, тоже белая, только с пестрыми крылышками; сбросят они свои крылышки и станут купаться, а ты подкрадись, да и утащи пестрые крылышки. Даст тебе за них девица выкуп — золотое колечко, и станешь ты ее суженым. Смело иди тогда в подводное царство к Морскому Царю». Поблагодарил Иван-царевич старуху, пошел к синему морю, спрятался за смородинный куст, сидит ждет.

В полдень прилетели к тому месту одиннадцать белых голубиц, сбросили свои крылышки и обернулись красными девицами — одна другой краше. Кинулись они в воду и стали купаться: играют, плещутся, песни поют, серебристой пеной морской брызжутся. Вслед за ними прилетела двенадцатая голубица — с пестрыми крылышками. Сбросила она свои крылышки и стала купаться. И была та девица всех пригожее, всех красивее. Иван-царевич подкрался и утащил пестрые крылышки. Выкупались девицы, вышли из воды, стали, разбирать свои крылышки, хватать — а у младшей их нет как нет. Говорит младшая девица: «Сестрицы-голубушки, не ищите, улетайте без меня домой; не досмотрела я — сама и буду ответ держать пред Морским Царем, батюшкою». Прицепили красные девицы крылышки, оборотились голубками и улетели домой.

Осталась младшая красавица одна, осмотрелась кругом и говорит. «Отзовись, выходи, добрый человек, у кого мои крылышки! Коли стар старичок — будь мне батюшка, коли старая старушка — будь мне матушка, коли красная девица — будь родная сестра, коли млад человек — будь сердечный друг». Услыхал такую речь Иван-царевич, вышел из-за куста и подал крылышки

красавице... «Ах, Иван-царевич, — говорит она, — что долго не бывал к нам в подводное царство? Мой батюшка, Морской Царь, на тебя сильно гневается; ступай скорей, да вот тебе золотое колечко; береги его да помни, что я — твоя суженая, Василиса Премудрая». Сказала девица, обернулась голубкою и улетела прочь.

Спустился Иван-царевич в океан-море, шел-шел и пришел в подводное царство, прямо во дворец к Морскому Царю. Увидел его Царь и кричит: «Где ты был, пропадал? Отчего ко мне долго не бывал, не показывался? За такую провинность твою изволь сейчас приниматься за работу: есть у меня пшеницы триста скирд, а в каждой скирде по триста копен; к утру обмолоти все дочиста. Да смотри: ни скирд не ломай, ни снопов не разбивай; а не сделаешь: мой меч — твоя голова с плеч!»

Идет Иван-царевич от Морского Царя, а сам горько плачет. Увидала его из своего терема высокого Василиса Премудрая и спрашивает: «О чем, Иван-царевич, плачешь?» — «Как мне не плакать? Велел мне Царь Морской к завтрашнему утру триста скирд обмолотить, да чтоб их не ломать и снопов не разбивать. А разве я могу это сделать?» — «Ничего, Иван-царевич, не горюй! Это еще не беда: беда будет впереди. Ложись-ка спать: утро вечера мудренее». Пришла ночь, лег Иван-царевич спать, а Василиса Премудрая вышла на крыльцо своего терема высокого и крикнула громким голосом: «Гей вы, слуги мои верные, муравьи ползучие! Собирайтесь все, что есть вас на белом свете, выбирайте зерно из скирд батюшкиных, да складывайте его в закрома!» Набежало муравьев со всего света видимо-невидимо, выбрали зерно и сложили все в закрома за одну ночь.

Наутро призывает Ивана-царевича к себе Морской Царь и говорит: «Ну и хитер же ты, добрый молодец, видел я твою работу: чисто сделано. Дам я тебе другую задачу: слепи-ка мне к завтрашнему утру церковь из воску ярого. Сделаешь — молодец, а нет — мой меч — твоя голова с плеч!»

Идет Иван-царевич от Морского Царя, голову повесил, пригорюнился. Василиса Премудрая выглянула из окошка и спрашивает: «Чего, Иван-царевич, пригорюнился, повесил головушку?» — «Как мне не горевать, Василиса Премудрая: приказал мне твой батюшка, Морской Царь, слепить в одну ночь церковь из воску ярого, а разве я сумею это сделать?» — «Не кручинься, Иван-царевич; это еще не беда: беда будет впереди. Ложись-ка спать: утро вечера мудренее». Ночью Василиса Премудрая вышла на крыльцо своего терема и крикнула громким голосом: «Гей вы, слуги мои верные, пчелки-работницы! Прилетайте всё сюда, что есть вас на белом свете, слепите мне церковь из воску ярого, чтобы к утру была готова!» Откуда ни возьмись,

слетелось пчел видимо-невидимо, и начали они работать: одни воск из ульев носят, другие лепят — и к утру церковь слеплена на славу.

Призывает наутро Морской Царь Ивана-царевича к себе и говорит: «Видел я твою работу: мастер ты лепить из воска, хитро сработано. Теперь дам я тебе третью задачу: есть у меня конь — на него еще никто сесть не осмеливался. Объезди ты мне этого коня, чтобы он под верхом мог ходить. Коли не справишься — голову тебе с плеч долой; а объедешь — выдам я за тебя из моих дочерей любую, какую себе выберешь».

Идет Иван-царевич от Морского Царя и думает: «Ну, эта работа нетрудная: с конем справиться можно — не привыкать стать». А Василиса Премудрая выглянула в окошко и спрашивает: «Что Иван-царевич, какую тебе задачу задал мой батюшка, Морской Царь?» — «Да пустяковую: всего-то объездить коня неезженного». — «Эх, Иван-царевич! Вот когда беда-то пришла неминуемая! И в той беде я тебе помочь не могу: ведь конем-то этим будет сам мой батюшка, Морской Царь. Подхватит он тебя да понесет выше леса стоячего, ниже облака ходячего и разнесет по чисту полю твои косточки». — «Как же мне быть теперь? Научи, Василиса Премудрая». — «Иди скорей, прикажи сковать себе палицу железную, весом в двадцать пудов. Как сядешь на коня и понесет он тебя — держись крепче, да бей его палицею промежду ушей без отдыха».

Спал ли, не спал Иван-царевич, только наутро пошел в конюшню. Вывели ему коня неезженного: двадцать конюхов под уздцы держат; храпит конь, на дыбы становится, из ноздрей пар клубами валит. Сел Иван-царевич на коня — поднялся конь кверху и полетел выше леса стоячего, чуть пониже облака ходячего. Крепко держится Иван-царевич на коне, врезал коню в бока шпоры булатные, а сам бьет его промежду ушей двадцатипудовой палицей без отдыха. Сбавил конь свою прыть, стал спускаться пониже, а Иван-царевич, знай, его палицей охаживает. Опустился конь на сырую землю и стоит как вкопанный, весь пеною покрытый, словно мылом намыленный. Отвел Иван-царевич коня и пошел к себе в горницу.

Под вечер призывает его к себе Морской Царь. Сидит он сумрачный, сердитый, голова платком обвязана. «Ну что, Иван-царевич, объездил коня?» — спрашивает. «Объездил, твое морское величество». — «Коли так, я свое слово держу: приходи. завтра выбирать себе невесту. А сегодня мне что-то не по себе: голова болит».

Раным-рано на другой день улучила Василиса Премудрая минуточку, свиделась с Иваном-царевичем и говорит ему: «Как будешь сегодня выбирать

себе невесту, помни, что я тебе скажу: обернет сперва батюшка, Морской Царь, нас, двенадцать сестер, кобылицами; смотри, примечай: на моей уздечке одна блесточка потускнеет, а у всех будут ясные. Выпустит потом он нас голубицами да насыплет нам гречихи — все мы будем клевать, одна я нет-нет, да и махну крылышком. В третий раз покажет он нас девицам, гляди-посматривай: у которой на щеку малая мушка сядет — ту и бери».

Так и вышло, как говорила Василиса Премудрая. Вывел Морской Царь двенадцать кобылиц. Все — масть в масть, грива в гриву, хвост в хвост, у каждой уздечка наборная, серебряная. «Выбирай любую», — говорит Морской Царь. Оглядел Иван-царевич уздечки: серебро на всех блестит, только, глядь, а у одной чуть-чуть бляшечка потускнела. «Вот моя невеста», — говорит Иван-царевич и хватает ее за уздечку. «Плохую берешь, получше бы выбрал!» — «Мне и эта хороша». — «Ну, выбирай опять».

Выпустил Морской Царь двенадцать голубиц: все белые, ровные, перо в перо, крыло в крыло. Насыпал гречихи, стали голубки клевать. Смотрит Иван-царевич, а одна голубка нет-нет, да и взмахнет крылышком. Схватил он голубку за крыло и говорит: «Вот эта самая — моя невеста». Стал сердиться Морской Царь. «Больно хитер ты, я вижу, молодец, — говорит. — Своим ли только умом доходишь? Ну, выбирай в последний раз ту же. Не узнаешь — не быть тебе нынче живому!» Явились пред Иваном-царевичем двенадцать красных девиц, все ровные: рост в рост, лицо в лицо, платье в платье. Глядит он: у одной на щеке малая мушка сидит. Схватил он ту девицу за руку и говорит: «Вот моя нареченная». —

«Ладно, быть по-твоему!» — сказал Морской Царь, а сам, как туча черная, насупился.

Делать нечего, пришлось ему выдать свою дочь любимую, Василису Премудрую, за Ивана-царевича.

Счастливо живет Иван-царевич с молодой женой, только чуется ему недоброе: Морской Царь на него злобу в сердце держит. Да и соскучился он, стосковался по отцу, по матери, по дому, по родине. Оттого задумал он уйти из-подводного царства на Святую Русь и говорит Василисе Премудрой: «Уйдем-ка мы с тобой, Василиса Премудрая, подобра-поздорову на Святую Русь. Не житье нам здесь: хочет нас Морской Царь извести, со света сжить, да и соскучился я больно по отцу, по матери, по дому, по родине». «Что ж, уйдем! — говорит Василиса Премудрая. — Только знай: будет за нами великая погоня. Разгневается Морской Царь, догонит нас и предаст лютой смерти, коли мы его хитростью да мудростью не проведем».

Выждали темной ночи Иван-Царевич с Василисой Премудрой, сели на борзых коней и поскакали что есть духу. А перед тем, как сесть на коней, порезала себе Василиса Премудрая мизинный пальчик, капнула по капельке крови в трех углах своего терема и заперла двери крепко-накрепко. Вот приходят наутро посланные от Морского Царя, стучатся в дверь и говорят: «Просыпайтесь! Батюшка вас к себе зовет». Отвечает им из угла одна кровинка: «Рано больно: не выспались». Ушли посланные; ждали-ждали, опять в дверь стучат: «Не пора-время спать, пора-время вставать!» «Встаем, одеваемся!» — отвечает другая капелька. Приходят в третий раз посланные: «Батюшка Царь Морской гневаться изволит: что, мол, долго спят!» «Сейчас придем», — говорит третья капелька. Подождали посланные, опять в дверь стучатся; стучали-стучали, да так и не достучались ответа. Выломали дверь, глядь, а в тереме пусто. Доложили обо всем Царю; разгневался Морской Царь и послал погоню великую.

А Иван-царевич с Василисой Премудрой уж далеко-далеко скачут. «Ну-ка, Иван-царевич, — говорит Василиса Премудрая, — слезь с коня, припади ухом к сырой земле да послушай: нет ли погони от Морского Царя?» Слез Иван-царевич с коня, припал ухом к земле и говорит:

«Слышу я людскую молвь и конский топот». «Это за нами погоня», — говорит Василиса Премудрая и оборотила коней зеленым лугом, Ивана-царевича старым пастухом, а себя овечкою. Наехала погоня и спрашивает: «Эй, старичок, не видал ли ты молодца с красною девицей на борзых конях?» — «Не приходилось, люди добрые. Сколько лет пасу на этом месте, ни птица мимо не пролетывала, ни зверь не прорыскивал». Вернулась погоня к Морскому Царю с докладом: «Никого на пути-дороге мы не встретили, ваше морское величество; видели только: старик пастух овечку на зеленом лугу пасет». «Что ж вы их, разини, не хватали: ведь это они и есть!» — закричал Морской Царь и послал новую погоню.

Скачет Иван-царевич с Василисой Премудрой на борзых конях. «Ну-ка, Иван-царевич, — говорит Василиса Премудрая, — слезь с коня, припади ухом к сырой земле да послушай: нет ли погони от батюшки Морского Царя?» Слез Иван-царевич с коня, припал ухом к земле и говорит: «Слышу я людскую молвь и конский топот пуще прежнего». «Это за нами новая погоня гонит», — сказала Василиса Премудрая и оборотила коней деревьями, Ивана-царевича старичком-священником, а себя ветхой церковью. Наехала погоня, спрашивает: «Не видал ли, батюшка, доброго молодца с красной девицей на борзых конях или пастуха с овечкою?» — «Не приходилось, люди добрые; сколько лет служу, сам эту церковь строил, а с той поры ни птица мимо не

пролетывала, ни зверь не прорыскивал». Воротилась погоня и докладывает Морскому Царю: «Никого на пути-дороге не встретили, ваше морское величество; стоит только одна церковь ветхая, да в ней служит священник, старичок старенький». — «Что ж вы церковь не ломали, старика не хватали, ротозеи: ведь это они самые и были!..» Разгневался Морской Царь и сам поскакал в погоню.

А Иван-царевич с Василисой Премудрою уже далеко-далеко уехали. И говорит Василиса Премудрая: «Слезька, Иван-царевич, с коня, припади ухом к сырой земле да послушай: нет ли за нами погони от Морского Царя?..»

Слез Иван-царевич с коня, припал ухом к земле и говорит: «Слышу я конское ржание и топот: точно гром гремит». «То за нами гонится сам батюшка, Морской Царь!» — говорит Василиса Премудрая и оборотила коней глубоким озером, Ивана-царевича селезнем, а себя серой утицей. Прискакал Морской Царь, увидел озеро, а на нем утицу с селезнем, ударился о сырую землю и оборотился коршуном. Стал коршун налетать на селезня с уткою: хочет их убить до смерти. Вот-вот ударит селезня, а тот как нырнет в воду — ищи его. Хочет коршун утку убить, а утка как нырнет — только ее и видели. Бился-бился коршун, не мог ничего поделаться с селезнем и уткою. Выбился из сил Морской Царь и убрался домой в подводное царство. А Иван-царевич с Василисой Премудрою выждали время и поскакали дальше.

Много ли, мало ли ехали они и приехали, наконец, на Святую Русь. Подъезжает Иван-царевич к родному городу и говорит: «Подожди меня здесь, Василиса Премудрая: пойду-ка я оповещу о тебе отца с матерью». «Ступай, — говорит Василиса Премудрая, — только помни одно: как увидишь ты своих братьев и сестер, которых ты еще не видывал, не целуй их, а то навсегда меня позабудешь». Пообещал Иван-царевич да и забыл свое обещание: как увидел своих новых братьев и сестриц, обрадовался: стал их целовать и забыл свою жену, Василису Премудрую.

Три дня ждала-поджидала Василиса Премудрая своего мужа у городских ворот — не вернулся Иван-царевич. Нарядилась она нищенкой, стала ходить по городу, искать пристанища и нанялась к бедной старушке в работницы. Живет она у нее, ждет, когда вспомнит про свою жену Иван-царевич.

А Ивана-царевича отец собрался женить на богатой королевне, соседнего короля дочери. Вот и кликнул царь клич по всему своему царству, чтобы собирались все его подданные поздравлять жениха с невестой да чтобы несли, по старинному обычаю, пироги на царский стол. Стала и старуха, Василисы Премудрой хозяйка, пирог стряпать. «Кому это ты пирог печешь?»

— спрашивает ее Василиса Премудрая. «Разве не знаешь: наш царь женит своего сына Ивана-царевича на королевской дочке; вот я и понесу пирог обрученным на стол». «Испеку и я от себя пирожок», — говорит Василиса Премудрая. «Куда тебе! Не пустят тебя во дворец: больно на тебе одежда плоха». — «Ничего, бабушка, ты сама мой пирожок снесешь». Испекла Василиса Премудрая пирог, а вместо начинки посадила в серединку голубя с голубкою.

Идет во дворце пир горой. Сидят жених с невестой за столом, принимают они дары от богатых гостей, а от бедных поздравления. И старушка два пирога принесла. Стали резать пирог Василисы Премудрой, а из него вылетели голубь с голубкою; полетали-полетали они по горнице и сели на стол перед женихом с невестой. «Вспомни-вспомни, голубок, — говорит голубка, — как я была овечкою, а ты пастухом». «Забыл-забыл, голубушка!» — отвечает голубок. «Вспомни, вспомни, голубок, как я была церковью, а ты старичком-священником». — «Забыл-забыл, голубушка!» — «Вспомни-вспомни, голубок, как была я серой утицей, а ты селезнем». «Забыл-забыл, голубушка!» — отвечает голубок. «Ну-ка вспомни, как говорила тебе Василиса Премудрая, что ты ее позабудешь, коли поцелуешь своих братцев и сестриц!..»

«Вспомнил, вспомнил!» — закричал Иван-царевич, выскочил из-за стола и стал допрашивать: кто принес пирог с голубями? А Василиса Премудрая тут стоит между слуг и челяди нищенкой; узнал ее Иван-царевич, взял за белые руки, стал целовать, обнимать. «Батюшка, — говорит, — вот моя жена законная, Богом данная; не нужно мне другой жены!» Тут пошли спросы-расспросы; рассказал Иван-царевич обо всем, как дело было, и задал царь на радостях пир на весь мир...

Около того пира и я ходил, мед-вино пил, по усам текло, да в рот не попало. Дали мне синь-колпак, стали в шею толкать; дали мне красный шлык — я в подворотню шмыг! Иду путем-дорогою, посвистываю. Вдруг летит сорока-белобока. Кричит: «Синь-колпак, синь-колпак!» Я думал «Синь-колпак!» — взял да и скинул. Летит ворона, кричит: «Красный шлык, красный шлык!» А я думаю: «Краденый шлык» — взял да и шлык на дороге бросил. Так-то и пришел со свадьбы, не солоно хлебавши!